

Клавдия Владимировна Лукашевич

Ужасные дни

Клавдия Лукашевич

Ужасные дни

«Public Domain»

1901

Лукашевич К. В.

Ужасные дни / К. В. Лукашевич — «Public Domain», 1901

«Под Петербургом, на окраине Васильевского острова, есть местность по названию Галерная Гавань. С одной стороны она тянется по берегу финского залива, или взморья; с другой стороны граничит Чекушами с их известными судостроительными заводами; с третьей к ней прилегает обширное кладбище и огромное Смоленское поле, где летом пасется городской скот...»

© Лукашевич К. В., 1901

© Public Domain, 1901

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Клавдия Владимировна Лукашевич

Ужасные дни

Рассказ – быль

I

Под Петербургом, на окраине Васильевского острова, есть местность по названию Галерная Гавань. С одной стороны она тянется по берегу финского залива, или взморья; с другой стороны граничит Чекушами с их известными судостроительными заводами; с третьей к ней прилегает обширное кладбище и огромное Смоленское поле, где летом пасется городской скот. Галерная гавань находится на очень низком месте, почти в уровень со взморьем. Она застроена по преимуществу небольшими деревянными домами, около них часто виднеются деревья, садики и палисадники; местами тут тянутся длинные ветхие, покосившиеся заборы, за которыми находятся или огороды, или пустыри; есть тут поблизости целых три кладбища; как раз посередине Гавань прорезывает узкая, скверная речонка – Шкиперский проток. Она вытекает из каких-то ключей и впадает в Финский залив. Летом Шкиперский проток зарастает плесенью и тиной, вместо воды в нем течет мутная грязь, а в окрестностях распространяется дурной запах. Зимой эта речонка замерзает; но при частых петербургских оттепелях и при малейшем западном ветре она вздувается, льдины поднимаются и вместе с жидкою грязью выходят из берегов и разливаются по окрестностям, где нередко все это сковывает первый мороз.

Вся Гавань со своим двадцатитысячным населением напоминает глухую провинцию; даже не верится случайно попавшему туда человеку, что он находится около огромной, богатой столицы.

Живут в Галерной Гавани по преимуществу горькие бедняки и петербургская голь. Здесь в закоптелых маленьких домишках, в грязных лачугах и сырых подвалах ютятся фабричные, поденщики, мелкие торговки и торговцы, швейки, мастеровые, а иногда и чиновники и чиновницы, получающие такую мизерную пенсию, на которую можно жить только впроголодь.

Кругом Гавани множество фабрик и заводов. Стройные, прямые, высокие трубы высятся над огромными многоэтажными каменными домами. Из этих труб, то подымаясь высоко в небо, то стелясь по земле, дни и ночи клубится черный дым; в многоэтажных домах слышится грохот, шипенье, трескотня машин, а по вечерам во всех окнах светятся яркие огни, и изо дня в день в определенные часы раздаются гулкие, протяжные фабричные свистки, призывающие жителей Гавани на тяжелую, беспросветную работу.

И рядом с этими грандиозными, богатыми фабриками еще ничтожнее, жалче, непригляднее кажутся серые, деревянные домишки гаванской бедноты.

На углу Безымянной улицы и Глухого переулка в Гавани находится небольшой деревянный дом, окрашенный в бурую краску. Дом этот принадлежит мещанке Марье Андреевой. Ветхий, покосившийся, с почернелой крышей, он совсем ушел в землю и похож на больного, дряхлого старика. Около его ворот на улице растут две березы; за ним идут заборы и пустыри и доходят до самого взморья.

В один из холодных, пасмурных ноябрьских дней около дома мещанки Андреевой, прислонившись к березе, стояла девочка-подросток. Худенькая, как скелет, бледная, с тоненьким носиком и с огромными черными глазами на подвижном лице, она напоминала цыганку. Девочка то приседала, то вытягивалась, то щурилась, то тарачила выразительные

глаза. Она была очень мила, но широко раскрытый рот и высоко приподнятые брови придавали ее лицу какое-то странное выражение – беспокойства и удивления. На голове ее был небрежно накинутый рваный, выцветший голубой вязаный платок; из-под него выбивались пряди густых черных волос. Эти лохматые волосы падали на лоб, на глаза, щекотали нос и щеки, – девочка поминутно трясла головой, обеими руками откидывала непокорные волосы и пристально смотрела вдаль.

День был серый, ненастный, дул сильный, холодный ветер, поминутно шел дождь, в воздухе пахло и гнилью и гарью. Перед тем несколько дней стояли сильные морозы, выпал снег и установился было прекрасный санный путь. Наступившая сразу оттепель испортила дорогу: снег потемнел, всюду стояли лужи, кое-где обнажился лед, оказались выбоины и ухабы. Было очень холодно в этот день, и грязно, и скользко.

Черноглазая девочка, ухватившись рукой за березу, неожиданно расхохоталась. Она увидела, что в конце улицы высокая, тонкая, как жердь, фигура, осторожно двигаясь, пресмешно балансировала руками, но не удержалась на гололедице и, поскользнувшись, упала. Затем, пытаясь встать, фигура долго скользила ногами и снова упала.

Девочка при этом всплеснула руками, присела на корточки и залилась неудержимым звонким смехом.

Наконец, упавший – высокий, неуклюжий человек, встал, принялся отряхивать и очищать платье и, широко расставив руки, размахивая ими и стараясь удержаться на скользкой дороге, пошел по улице, направляясь к дому мещанки Андреевой. Он был уже близко. Черноглазая девочка встретила его веселым смехом.

– Ловко ты, Карлушка, шлёпнулся, – сказала она и прикрыла рукой рот, чтобы удержать душивший ее смех.

– Ничего нет смешного... Только дураки смеются, как ты, – басом ответил подошедший.

Это был безусый, белокурый юноша; широкий нос, большой рот и подслеповатые голубые глаза навывкате на глуповатом, наивном лице совсем не гармонировали с его басистым, как бы сердитым голосом. Он был весь мокрый и грязный от падения, сердито фыркал и отдувался, хлопая себя рукой по пальто и по ногам. Пальто у него было холодное, короткое, все заплатанное, из узких рукавов выглядывали огромные красные руки; на голове у него была надета старая фуражка с лакированным козырьком.

– Чего ты все хохочешь? – подступил сердито юноша к девочке.

Та не испугалась.

– Ой, как смешно! – едва выговорила она. – Ты шел по улице, как акробат по канату... Потом шлёп прямо в грязь и растянулся. Хотел встать и снова шлёп да шлёп... Видел бы ты, как было смешно! Ноги у тебя длинные, тонкие, так и едут по льду... Смешно!

Юноша ничего не ответил, а продолжал с сердитым видом счищать грязь с своего костюма.

– Экая досада, хорошее пальто испортил! – ворчал он.

– Пальто у тебя нехорошее: узкое, и короткое, и дырявое, – возразила девочка.

– Много ты понимаешь! Кроме своих лохмотьев, ничего и не видела...

– Нет, видела... Вот у меня что-то есть очень хорошее... Хочешь, Карлушка, я тебе скажу?... Хочешь?..

Девочка только собиралась задорно поспорить с молодым человеком, как неожиданно запнулась и, полуоткрыв рот, загляделась на что-то...

– Ах! Смотри, смотри, Карлушка! – вскрикнула она. – Лошадь упала... на том же месте, где и ты шлепнулся. Смотри, как ломовой ее хлещет! Бедная!

– Небось, лошадь жалеешь, – упрекнул ее юноша.

Но девочка не слышала упрёка: вся встревоженная, она рвалась вперед и говорила жалобным голосом, теребя рукав своего соседа:

– Как он ее хлещет... Бедная! Ей больно. Она встать не может. Пойдем, Карлушка, помоги. Да иди же, неповоротливый!.. Не упадешь. Держись за меня.

Девочка побежала посредине улицы; юноша последовал за нею.

– Эй, дядя, чего ты лошадь-то колотишь? Здесь ведь скользко. Ты хомут-то распусти. Не то лошадь задавишь. Дай я тебе подсоблю! – крикнул он громким басом.

Сильными, ловкими руками юноша помог поднять лошадь и помог запрячь ее. Около них остановилась старуха в широком салопе, трое мальчишек и мужичок с мешком за плечами. Черногозая девочка стояла тут же и всем своим подвижным личиком и худеньким телом принимала участие в поднятии лошади, то сгибаясь, то взмахивая руками и усиленно морща лоб. «Ух! ух! ух!» – вырывалось из ее открытого рта; когда лошадь встала, девочка глубоко и облегченно вздохнула.

Воз тронулся, а юноша со своею маленькою спутницей пошли обратно.

– Вот, Маришка, ты лошадь-то пожалела, а надо мною смеялась... Вот за то я не стану тебя в театр брать.

Девочка смутилась и даже как будто испугалась.

– Тоже сравнивал... Я тебя жалела... Только лошадь упала не смешно, а ты... Видел бы, как... смешно, – боясь фыркнуть, девочка зажала рот рукой.

На глуповатом лице ее спутника мелькнула невольная улыбка; он махнул рукой и отвернулся. Некоторое время они шли молча; наконец девочка дернула своего сотоварища за рукав.

– Знаешь, Карлушка, что я тебе скажу?! – весело проговорила она и подпрыгнула.

– Наверно, какую-нибудь глупость, – насупившись, пробурчал юноша.

– Вот и не угадал! Совсем не глупость, а очень даже умное.

– Ну, умного-то ты сказать не можешь.

– Нет, извини, могу. Слушай! Моя мама купила две подушки.

– Что ж из этого?

– А то, что я теперь буду спать на подушке.

– Всякий человек спит на подушке.

– Вот и не всякий... У сапожниковых ребят нет, и у извозчика одного нет... И мне мама прежде свою старую кофту подкладывала... Я раз шею отлежала на ней. Неловко, жестко...

– Эх, Маришка. Только и видели вы подушки! Ваш отец непременно их пропьет.

– Как бы не так! Мы не дадим. Как я увижу, что он пьяный домой идет, я сейчас подушки к сапожнице снесу. Она их спрячет.

Говорившие остановились у калитки дома мещанки Андреевой. Девочка лукаво и весело взглянула на юношу.

– Карлушка, а Карлушка, знаешь, что я тебе скажу! Я теперь на подушке сплю, точно какая-нибудь барышня, – она уморительно развела руками.

– Похожа ты на барышню, как коза на курицу.

– Карлуша, мама хорошие, дорогие подушки купила. Она дала за две восемь гривен. И то, говорит, для нее только по знакомству прачка уступила. Мама сказала, что она мне еще одеяло купит; потом башмаки с каблуками купит; потом еще кофту модную, и рукава будут пузырями; платок новый купит, – хвасталась девочка.

Юноша слушал её насмешливо.

– Мели, мели, Емеля, сегодня наша неделя, – снисходительно сказал он.

Марина очнулась и задумчиво подтвердила:

– Хорошо на подушке-то спать. Мягко как! Мама пять лет собиралась купить. Да все отец пропивал... Теперь мы ему не дадим. Как у нас теперь в углу хорошо, Карлушка!

Хочешь, пойдем посмотреть? Давеча на мою подушку Немец вскочил. Я его пугнула. Еще испортит, сомнёт... Замяукал и бросился под печку.

Молодой человек слушал рассеянно болтовню девочки и, качая головой, посматривал то на взморье, подернутое льдом и запорошенное снегом, поверх которого во многих местах виднелись целые озера воды, то на небо, по которому быстро неслись темные тучи.

– Ветер-то какой! Поворачивается. С моря дует. Плохо это! Как бы наводнения не было?!

– А страшно наводнение? Как оно бывает? – тревожно спросила Мариша.

– Так бывает, что, кажется, конец пришел и все потонут... Страшно!

– Я боюсь, Карлушка!

– Может, и не будет... Намедни тоже вода высока была, и пушки палили. Однако ничего, вода скоро ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.